

Талант — не деньги.
Это боль.
Но твои слова могут стать светом. ♡

Трогатель, имён ♡

Имя — цепь.
У неё тени нет.

пиши,
пока
пишется
☆

ИМЕНА
НЕ ПРОДАЮТСЯ
НАВСЕГДА
ИХ МОЖНО
ВЕРНУТЬ.

ЗАЙДЕШЬ
ЗАВТРА —
ДОГОВОРИМ.

и когда ветер
сожрал последнее
имя, Нурай поняла,
что осталась одна.
Без тени,
потому что
солнце умерло... ♡

Девочка,
которая
резала ветер

Адина ☆

Она нашла тех,
кто услышал её.
И слова, которые
становятся началом. ♡

✧ ЕРДЕНОВА ДАРИЯ ✧

Дария Ерденова

Продавец имен

«Автор»

2026

Ерденова Д.

Продавец имен / Д. Ерденова — «Автор», 2026

В промозгом Целинограде ветер умеет выскребать из людей всё живое — мечты, тепло, имена. Тринадцатилетняя Адина прячется от мира в старой тетради, где пишет истории о девочке Нурай, разрезающей ветер в поисках своего настоящего имени. После смерти деда её слова вдруг начинают сбываться. На базаре между ларьком с китайской едой и мастерской по обуви появляется странная юрта. Внутри — старик с жёлтыми глазами и аптечными весами. Он не покупает вещи. Он покупает имена. В обмен на талант Адина почти заключает сделку — и с этого дня её тексты становятся пугающе настоящими. Несчастья, написанные в тетради, просачиваются в мир. Люди начинают слышать её слова раньше, чем они происходят. А ветер всё чаще зовёт её не по имени, а по чему-то другому. Потому что талант — не дар. Талант — это боль. И за каждое слово придётся платить.

© Ерденова Д., 2026

© Автор, 2026

Дария Ерденева

Продавец имен

Продавец имён

1

В Целинограде ветер не дует. Он выскребает. Скребёт по пятиэтажкам на Дружбы, завывает в щелях панельных швов, тащит по двору пакеты от “Смолла” как перекасти-поле. В такой ветер хочется не жить, а переждать.

Адина пережидала на подоконнике.

Подоконник был узкий, краска на нём облупилась и въелась в джинсы белыми чешуйками. За окном март, серый и злой. Снег сошёл пятнами, обнажив собачье дерьмо и прошлогоднюю траву. Внизу орал чей-то ребёнок, и звук рикошетил от стен колодца-двора.

На коленях у Адины лежала тетрадь. 48 листов, в клетку. Обложка — синий космос, давно затёртый до белизны на сгибах. Внутри — не алгебра. Внутри был другой город. Там не было ветра. Там была девочка с волчьими глазами, которая умела говорить с ржавыми трубами теплотрассы. Девочка звала себя Нурай. У Нурай получалось то, что не получалось у Адины — отвечать.

— Адина! Ты оглохла?

Голос матери прошёл сквозь стену и тетрадку, как нож сквозь масло.

Адина не вздрогнула. Она умела не вздрагивать уже два года, с пятого класса. Вздрогнешь — заметят. Заметят — прицепятся.

— Иду, — сказала она в стекло. Пар от дыхания нарисовал на нём мутное пятно. В пятне отразилась она: тринадцать лет, волосы цвета пыли, собранные в кривой хвост. Чёлка отросла и лезла в глаза. Некому было подстричь.

На кухне пахло пережаренным луком. Мать стояла у плиты в халате с розовыми медведями. Медведи выцвели от стирок и смотрели зло.

— Третий раз зову. Уроки сделала?

— Сделала.

Это была правда наполовину. Математика была сделана. Литература — нет. Сочинение “Как я провёл зиму” лежало в тетрадке чистым листом. Адина не знала как. Зима прошла в этой же позе, на подоконнике. Напишешь правду — вызовут к психологу. Напишешь враньё — стошнит от себя.

Мать ткнула половником в сторону стола.

— Садись, ешь. И отцу позвони. Спроси, во сколько будет. Если будет вообще.

Последние два слова она выплюнула вместе с дымом от сигареты. Курила она только когда отца не было. Значит, не будет.

Борщ был вчерашний, с плёнкой жира. Адина мешала его ложкой, смотрела как капуста тонет. В тетрадке Нурай сейчас шла по крышам и резала ветер ножом. У Нурай был нож. У Адины — только ложка.

Телефон отца не отвечал. Гудки шли длинные, равнодушные. На пятом она сбросила. Мать кивнула, как будто так и знала.

— Опять у своей.

“У своей” — это значило у тёти Гали с работы. У тёти Гали были рыжие волосы и ногти как клешни. Адина видела её один раз. Тётя Галя сказала: “Ой, какая у тебя дочка нелюдимая”. Слово “нелюдимая” прилипло как жвачка к волосам.

— Мам, — Адина отодвинула тарелку. Борщ колыхнулся и успокоился. — Мне на конкурс надо. Рассказ.

— Какой ещё конкурс?

— “Балауса”. Литературный. Для детей.

Мать затынулась, щёлкнула ногтем по фильтру. Пепел упал в борщ.

— Денег стоит?

— Нет. Бесплатно.

— Значит, и приза нет. Хватит ерундой маяться. Лучше бы математику подтянула. У тебя в четверти трояк выходит.

— У меня четыре.

— Будет три.

Мать всегда знала будущее. Особенно плохое.

Адина встала, взяла тарелку. Руки не дрожали. Они перестали дрожать в тот день, когда в пятом классе Слава Ким из 7 “Б” при всех вырвал у неё тетрадь и зачитал вслух про Нурай. “Смотрите, она психованная! С трубами разговаривает!” Класс ржал. Училка сказала: “Слава, сядь. Адина, надо меньше фантазировать”. Тетрадь вернули сальную, с отпечатком подошвы на обложке. С тех пор Адина писала только на подоконнике. И только когда никого не было в комнате.

— Я помою, — сказала она.

— Поставь. Сама помою. Иди делай свою математику.

Это значило: пошла вон.

В комнате было холодно. Батарея булькала и не грела. На столе — учебник Макарычева, открытый на странице 127. Задачи про поезда, которые всегда едут навстречу друг другу и никогда не встречаются. Адина села, открыла тетрадь. Не ту. Синий космос.

Нурай стояла на краю крыши девятиэтажки на Абая. Внизу ветер тащил мусор. Нож в её руке был не кухонный. Он был из куска теплоотрастывающей, острый и ржавый. Нурай знала: если разрезать ветер, на секунду станет тихо. Всего на секунду. Но в этой тишине можно услышать своё настоящее имя.

Ручка закричала. Адина писала, и в животе разжимался кулак. Всегда так. Только когда писала, можно было дышать.

В дверь постучали. Не мать. Мать не стучала. Дед.

— Зайду?

Он не ждал ответа, просунул голову. Пахло корвалолом и “Беломором”. Лицо — печёное яблоко, все в трещинах. Восемьдесят два года. Последний человек в квартире, кто звал её по имени без злости.

— Пишешь? — он кивнул на тетрадь.

Адина дёрнулась закрыть, но было поздно. Стыд обжёг уши.

— Брось, — дед прошаркал к кровати, сел. Кровать скрипнула. — Я в твои годы тоже писал. Стихи. Про войну. Хреновые, конечно.

Адина молчала. Она не знала что дед писал. Он никогда не говорил.

— Чё пишут-то? — он прищурился.

— Сказку.

— Про что?

— Про девочку. У неё... у неё имя украли.

Дед хмыкнул. Пожевал губами.

— Имя — оно как тень, Адинка. Пока солнце есть — есть и тень. А нет солнца — и тебя нет. Поняла?

Она кивнула, хотя не поняла. Дед говорил загадками. После инсульта особенно.

— Ладно, — он с кряхтением встал. — Ты пиши. Пиши, пока пишется. Потом некогда будет. Жизнь — она как этот ветер. Выскребет всё.

Он пошёл к двери, обернулся.

— Только матери не показывай. Заругает. Скажет, дурью маешься.

Дверь закрылась.

Адина выдохнула. Посмотрела на строчку про нож. Дописала: *Нурай замахнулась. Ветер взвыл и отшатнулся. На секунду стало так тихо, что она услышала, как в подвале дома плачет старая теплотрасса. Она плакала именем. “Адина... Адина...”*

Ручка сломалась. Стержень выплонул синюю кляксу прямо на слово “Адина”. Клякса расплылась, сожрала буквы.

В груди стало пусто и холодно. Как будто тот ветер с улицы залез под кофту.

В дверь снова поскреблись.

— Адинка, — голос деда. — Я это... таблетки свои не видел? Синие такие.

Она открыла. Дед стоял, держась за косяк. Лицо серое.

— На тумбочке.

— А, — он пошёл на кухню. На полпути остановился. — Ты звала меня?

— Нет.

— Показалось. Будто зовёшь. “Дед, дед”. Ладно. Старый я.

Он ушёл.

Адина вернулась к столу. Клякса высохла. Слова “Адина” не было. Только синее пятно. Как будто его и не писали никогда.

За окном ветер выл на одной ноте. Как будто звал кого-то. Но имени не называл.

Надо было делать математику. Поезда всё ещё ехали навстречу.

А на базаре, за три квартала отсюда, между ларьком с китайской едой и ремонтом обуви, в этот самый момент ставили старую, потёртую юрту. Ставил её старик с лицом как печёное яблоко. Только без трещин. Без единой морщины.

И он ждал.

2

Дед умер ночью.

Тихо. Без крика, без хрипа. Просто перестал скрипеть кроватью. Утром мать зашла его будить и вышла белая, как потолок в их хрущёвке. Потом был вой. Потом — скорая, милиция, соседи с постными лицами. Потом — запах корвалола стал главным запахом в квартире.

Адина не плакала. Слезы встали в горле комом и не шли ни вверх, ни вниз. Она сидела на том же подоконнике и смотрела, как из подъезда выносят носилки. Накрытые простынёй. Простыня была казённая, серая. Ногами вперёд.

— Не смотри, — сказала мать, и дёрнула за штору. Штора оборвалась с одного крючка и повисла, как подбитое крыло.

На поминки пришли две старухи из дедова двора и дядя Валера с завода. Пили водку, ели кутью, говорили “хороший был мужик, тихий”. Про стихи никто не вспомнил. Адина узнала об этом только сейчас, из разговоров. Дед писал про войну. Тетрадь сожгли вместе с мусором. “Зачем хлам хранить”, сказала мать.

На третий день сказали: надо на базар. За луком, за рисом, за салфетками. Поминки на девять дней.

— Сходи ты, — мать сунула ей авоську и 2000. Руки у матери тряслись. — Я не могу. Там люди. Смотреть будут.

Люди смотрели бы в любом случае. На Адину — потому что “дочь той, у которой муж к Гальке ушёл”. На мать — потому что “довела старика”. В Целинограде новости разносил ветер. Быстрее интернета.

Базар встретил её вонью. Смесью тухлой рыбы с китайского ряда, горелого масла из самсушной и мокрой псины. Март. Лужи по щиколотку. Между лужами — доски, картонки, людское месиво. Оралы зазывалы: “Девушка, куртка! Последняя! Три тысячи!”, “Картошка, лук, бери не пожалеешь!”.

Адина натянула капюшон. Старая, вытертая джинсовка не грела. Ветер, тот самый, целиноградский, залез под неё и прошёлся по рёбрам ледяными пальцами. Она шла, глядя под ноги, чтобы не вляпаться. Авоська била по колену.

Лук. Рис. Салфетки. Список крутился в голове. Купить и домой. На подоконник. Там, где дед последний раз назвал её Адинкой. *Имя — оно как тень.* Тени не было. Солнце не вышло третий день.

Юрту она увидела, когда поскользнулась на гнилой картофелине.

Вывески не было. Между ларьком “Обувь из Китая” и будкой “Ремонт сумок” стояла она. Низкая, кереге из тёмного, почти чёрного дерева. Войлок серый, в подпалинах. Вокруг — никого. Люди обтекали её, как вода камень. Не замечали. Шли мимо, споря из-за цены на селёдку, не поворачивая головы.

Адина остановилась. Это было неправильно. На центральном базаре не ставят юрты. Тут земля золотая, каждый метр сдан. А тут — пустота. Метра три в диаметре. И тишина. Звук базара сюда не долетал. Как будто выключили.

Тёмный провал. Пахнуло оттуда не бараниной и не дымом. Пахнуло старыми книгами. И ещё — тем самым корвалолом. Дедом.

Ноги сами сделали шаг. Потом второй.

“*Нечего терять*”, — сказал бы дед. Ему теперь точно нечего.

Внутри был полумрак. Пахло пылью и временем. Посередине — низкий стол. На столе — старые, аптечные весы. Две медные чаши на цепочках. На одной чаше лежала горсть монет. Тенге. Старые, с Беркутом. И новые, с Байтереком. На другой — ничего. Пусто.

За столом сидел старик.

Не дед. Другой.

Лицо — как у деда, печёное яблоко. Но без единой трещины. Без морщин. Кожа гладкая, жёлтая, как старый пергамент. Глаза — тоже. Жёлтые. Как у кота в темноте. Он не моргал.

Старик не удивился ей. Кивнул на место напротив. Көрпешка была вытерта до ниток.

Адина села. Авоська упала на пол с глухим стуком. Почему-то стало не страшно. Стало... никак. Как после наркоза.

Старик молчал. Смотрел. Потом протянул руку к весам. Палец у него был длинный, с жёлтым ногтем. Он щёлкнул по пустой чаше. Та качнулась, звякнула. Звук был чистый, длинный.

— Тяжело, — сказал старик. Голос у него был как шорох бумаги. Сухой. — Пустота — она тяжёлая. Тяжелее всего.

Адина молчала. Язык примёрз к нёбу.

— Ищешь? — спросил старик.

Она мотнула головой. Потом кивнула. Она не знала.

— Все ищут, — старик снова щёлкнул по чаше. — Кто деньги. Кто мужа. Кто славу. А ты? Слова вырвались сами. Горькие, как те таблетки деда.

— Я ничего.

— Врёшь, — старик впервые моргнул. Медленно. — У тебя полные карманы “ничего”. Оно и давит. Хочешь, заберу?

— Как?

— Продай.

Адина посмотрела на монеты. Потом на пустую чашу.

— У меня нет денег.

Старик засмеялся. Беззвучно. Только плечи затряслись.

— Деньги? — он кивнул на монеты. — Это мусор. Пыль. Я не это покупаю. Я покупаю... — он наклонился вперёд. Пахнуло старой бумагой и степной пылью. — Имена.

В юрте стало холодно.

— Имя? — переспросила Адина. Шёпотом.

— Имя, — старик кивнул. — Ты даёшь мне своё. Я даю тебе что попросишь. Одно. Любое.

Имя — оно как тень. Голос деда в голове.

— Зачем вам?

— Коллекция, — старик пожал плечами. — У кого-то марки. У меня — имена. Красивые. Сильные. Твоё — сильное. Адина. “Райская”. Врёшь же. Какой у тебя рай? Сплошной март.

Он был прав. Рая не было. Была хрущёвка, борщ с пеплом и тетрадка с кляксой.

— И что будет, если... продам?

— Станешь свободной, — старик снова щёлкнул по весам. — Имя — это цепь. Тебя зовут — ты отзываешься. Тебя ругают — ты плачешь. Тебя нет в списках — тебя нет. Отдай цепь. Лети.

Адина подумала про мать. Которая не могла выговорить “доча”. Про Славку Кима. Про училку. Про грамоту с прочерком, которая ей снилась.

— А что я могу попросить?

— Что угодно, — жёлтые глаза блеснули. — Деньги. Красоту. Любовь. Смерть твоим врагам.

— Талант, — сказала Адина. Вырвалось до того, как подумала. — Я хочу... чтобы мои книги читал весь мир. Чтобы... чтобы не клякса. Чтобы не стыдно.

Старик замолчал. Долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Дорого просишь, девочка-без-рая. Талант — это не деньги. Это боль. Ты уверена?

Адина вспомнила деда. *Пиши, пока пишется. Потом некогда будет.*

— Да.

— Тогда плати, — старик протянул руку. Ладонь была пустая. — Скажи его мне. Своё имя. Отдай.

Ветер снаружи ударил в войлок юрты. Завыл.

Адина открыла рот. Горло сжалось.

Это было просто. Всего одно слово. Пять букв.

— А... — начала она.

И в этот момент с улицы донёсся крик. Злой, бабий:

— Адина! Оглохла? Я тебя полчаса жду! Лук где?

Мать. Пришла сама. Не выдержала.

Старик не вздрогнул. Только медленно закрыл пустую ладонь.

— Зовут, — прошелестел он. — Цепь дёрнули. Опоздала.

Адина вскочила. Авоська. Лук. Поминки. Дед.

Она вылетела из юрты, не оборачиваясь.

Снаружи ревели, торговалось, воняло рыбой. Юрты не было. Между “Обувью” и “Сумками” стояла лужа. Большая. В ней отражалось серое небо.

Мать трясла её за плечо.

— Ты где шляешься? Я зову, зову! Совсем с ума сошла? На, держи лук!

Всунула ей сетку. Лук был мокрый, подгнивший.

Адина пошла домой. Авоська била по колену.

На перекрёстке у Дома быта она обернулась.

На секунду. Показалось.

Между ларьками, в просвете между людьми, стояла юрта. И старик в дверях поднял руку. Не прощаясь. Приглашая.

Зайдешь завтра — договорим, — сказал ветер. Без слов.

Имя — оно как тень.

А тени у неё не было. *Солнце так и не вышло.*

3

Лук гнил.

Не весь. Только одна луковица, верхняя. Адина увидела это, когда вытряхнула сетку на кухонный стол. Жёлтая шелуха, а под ней — чёрная, мокрая мякоть. Вонь ударила в нос, сладкая и тухлая. Как на базаре.

Мать стояла у окна, курила в форточку. Пепел падал на подоконник, где три дня назад сидела Адина. Где сидел дед.

— Выкинь, — сказала мать, не оборачиваясь. — И остальные проверь.

Адина взяла нож. Обычный, кухонный. Не как у Нурай. Лезвие тупое, с зазубринами. Она ковырнула гниль. Та расплзлась под ножом, как синяя клякса в тетрадке. На слове “Адина”.

Пальцы стали липкими. Она пошла в ванную мыть руки.

В зеркале над раковиной было её лицо. То же самое. Пыльные волосы, чёлка в глаза. Тринадцать лет. Ничего не изменилось. Она открыла кран. Вода была ржавая, коричневая. Как чай.

Имя — это цепь.

Тяжело, — сказал старик. — Пустота — она тяжёлая.

А у неё не было пустоты. У неё был лук, поминки и трояк по математике.

Она вернулась на кухню. Мать уже ушла в зал, включила телевизор. Там орал Малахов.

Лук. Рис. Салфетки. Надо было готовиться к девяти дням.

Но сначала — математика. Макарычев, страница 127. Поезда.

Адина села за стол. Открыла учебник. Буквы расплывались.

А...

Она не договорила тогда, в юрте. Мать позвала. Цепь дёрнули.

А если бы договорила?

Ручка сама легла в руку. Не та, сломанная. Другая, гелевая, с блёстками. Подарок от деда на прошлый новый год. “Писаке”, — сказал он и подмигнул.

Адина открыла тетрадь. Синий космос. На странице с кляксой.

И написала под ней, на чистом месте:

Адина.

Буквы вышли ровные. Красивые. Как в прописях.

Ничего не случилось. Не грянул гром. Не погас свет. Только холодильник на кухне всхлипнул и затих.

И тогда пришли слова.

Они не стучались. Они хлынули. Как вода из прорванной теплотрассы. Горячая, обжигающая. В голову, в грудь, в пальцы.

Адина задыхалась ртом. Сердце заколотилось где-то в горле.

Нурай не резала ветер. Ветер резал её. Он проходил сквозь рёбра, вытаскивал наружу всё, что она прятала. Имена. Чужие. Забытые. Ветер собирал их и нёс к теплотрассе, чтобы сжечь в ржавом нутре. Потому что имя, которое не зовут, — оно гниёт. Как лук.

Ручка летала. Она не успевала за мыслью. Слова опережали руку, толпились, царапались. За пять минут — страница. За десять — три.

Орфография? Пунктуация? К чёрту. Потом. Сейчас — только выпустить.

Мать заглянула в комнату.

— Ты чего? Уроки?

Адина не подняла головы. Не могла. Если остановиться — всё исчезнет. Как сон.

— Адина, я с тобой разговариваю.

Имя ударило по ушам. Как пощёчина. Рука дёрнулась. Гелевая ручка прочертила по тетрадке жирную, блестящую линию.

— Не ори, — прошептала Адина. И сама испугалась своего голоса. Хриплый. Чужой. Мать опешила. Моргнула.

— Ты... ты как с матерью разговариваешь?

— Нормально.

Мать подошла, заглянула в тетрадь.

— Опять свои сказки? Я же сказала. Математика. Завтра у тебя контрольная же.

Рука матери потянулась к тетради.

Адина накрыла её ладонью. Быстро. Зло.

— Не трогай.

Пальцы у матери были холодные. И дрожали. Она отдёрнула руку, как от огня.

— Ты... — она посмотрела на Адину как будто впервые увидела. — Ты на отца похожа стала. Такая же...

Она не договорила. Развернулась и вышла. Дверью не хлопнула. Просто прикрыла. Тихо. Это было страшнее крика.

Адина выдохнула. Посмотрела на руку. На тетрадку. На линию.

И продолжила писать.

К полуночи было готово. Двадцать две страницы. От руки. Рассказ. “Девочка, которая резала ветер”.

Последняя строчка: *И когда ветер сожрал последнее имя, Нурай поняла, что осталась одна. Без тени. Потому что солнце умерло. И звать её стало некому.*

Адина отложила ручку. Пальцы свело судорогой. Лампа на столе мигнула.

Тишина.

Полная.

Даже холодильник молчал. Даже ветер за окном сдох.

Она встала. Ноги затекли. Подошла к окну. Целиноград спал. Горели два фонаря на весь двор. И в этом свете она увидела.

На стекле, с той стороны, на морозе, было написано пальцем.

Одно слово.

Адина.

Буквы кривые, детские. Как будто писал ребёнок. Или старик.

Она распахнула окно. Ледяной воздух ударил в лицо. Внизу — никого. Только пустой двор и тень от мусорных баков.

Надписи не было. Стекло чистое.

Показалось.

Она легла. Не раздеваясь. Тетрадь положила под подушку. Как в детстве кладут зуб для мышки.

Сон не шёл. В голове всё ещё шумели слова. Обрывки фраз, образы. Юрта. Весы. Жёлтые глаза. *Дорого просишь.*

Под утро она забылась. И ей приснился дед.

Он сидел на кухне, пил чай. Из той самой кружки, с отбитой ручкой.

— Ну что, Адинка, — сказал он и улыбнулся. Трещин на лице не было. — Продала?

Она хотела ответить, но не смогла. Язык прилип к нёбу.

— Не можешь сказать, да? — дед кивнул. — Ничего. Я и так знаю. Я же говорил. Имя — оно как тень. А ты свою тень продала. За чернила.

Он отхлебнул чай.

— Только помни. Тень без человека не живёт. И человек без тени... тоже.

Он встал. Пошёл к двери. Обернулся.

— Зря ты, Адинка. Зря. Теперь платить будешь. Каждый день.

Дверь хлопнула.

Адина проснулась от своего крика.
За окном было серо. Шесть утра.
Мать уже гремела на кухне.
— Вставай! В школу опоздаешь! Поминки вечером, не забудь!
Голос был обычный. Злой. Живой.
Адина села на кровати. Сунула руку под подушку. Тетрадь на месте. Двадцать две страницы. Чернила не исчезли.
Она открыла на последней. Перечитала строчку про солнце.
И похолодела.
Почерк был не её.
Буквы — ровные, каллиграфические. С нажимом. Как писал дед. Его “А” с петелькой сверху. Его “д” с длинной палочкой.
Она не так писала. Никогда.
На кухне мать звала:
— Адина! Чай стынет!
Имя снова ударило. Как ножом.
Адина зажала уши руками.
Цепь дёрнула.
В школу она пошла.
Тетрадь взяла с собой. На дно рюкзака, под учебники.
На базар она не пошла.
Но юрта ждала.
Она чувствовала это спиной. Между лопатками. Там, где должна быть тень.

4

Школа пахла мокрыми тряпками и хлоркой. Как всегда.
Адина шла по коридору второго этажа, и стены давили. Панели, выкрашенные в цвет детской неожиданности, плакаты, расписание с сорванным углом. Всё как вчера. И как год назад. И как будто навсегда.
Рюкзак оттягивал плечо. На дне, под Макарычевым и контурными картами, лежала тетрадь. Синий космос. Двадцать две страницы. Она чувствовала её вес отдельно от учебников. Как будто несла кирпич. Или мину.
— О, Писака приползла, — Слава Ким стоял у подоконника с пацанами из 8 “А”. В зубах — спичка. Во взгляде — скука. — Чё, новый фанфик накатала? Про трубы?
Пацаны заржали. Лениво, без огонька. Ритуал. Каждый день.
Раньше Адина вжимала голову в плечи и ускоряла шаг. Проскакивала мимо, как мышь.
Сегодня не ускорила.
Она остановилась. Посмотрела на Славу. Прямо. В глаза.
У него были узкие, чёрные. И в них мелькнуло что-то. Не страх. Недоумение. Как будто мышь вдруг оскалилась.
— Чё вылупилась? — он сплюнул спичку. Та упала на грязный кафель. — Иди куда шла.
Адина не ответила. Слова, которые ночью рвались из неё, сейчас застыли в горле. Тяжёлые. Как те монеты на весах старика.
Она просто пошла дальше. Медленно.
Сзади присвистнули.
— Э, ты чё, больная?
Она не обернулась.
На алгебре была контрольная. Годовая. От неё зависело, будет тройка в четверти или всё-таки четыре. Мать сказала: будет три. Мать всегда знала будущее. Плохое.

Анна Петровна, алгебраичка, раздала варианты. Бумага тонкая, серая. Печать расплылась. У Адины — вариант 3.

“Задача 1. Из двух городов, расстояние между которыми 450 км, навстречу друг другу...”

Поезда. Опять поезда. Они всегда ехали навстречу. И никогда не встречались в её тетради. Цифры плыли. Синусы, косинусы, логарифмы — всё смешалось в кашу. Как борщ с пеплом.

Адина сжала ручку. Гелевую. С блёстками. Ту самую.

И вдруг поняла: она не помнит формул. Вообще. В голове — пусто. Звенящая, выскобленная пустота. Как будто кто-то залез ночью и стёр всё, что касалось математики.

Зато она помнила другое.

...ветер резал её. Он проходил сквозь рёбра, вытаскивал наружу всё, что она прятала.

Имена. Чужие. Забытые...

Строчки из рассказа. Слово в слово. С запятыми. С кляксой.

Она зажмурилась. Потрясла головой.

Открой глаза. Вариант 3. Задача 1.

...Нурай замахнулась. Ветер взвыл и отшатнулся. На секунду стало так тихо, что она услышала, как в подвале дома плачет старая теплотрасса. Она плакала именем. “Адина... Адина...”

Ручка дёрнулась. Сама. И вывела на полях контрольной, рядом с задачей про поезда:

Адина.

Каллиграфическим почерком. С петелькой на “А”. Почерком деда.

Адина уставилась на слово. Сердце ухнуло вниз. Она быстро зачеркнула. Ручка порвала тонкую бумагу.

— Темиртасова, ты чего там? — Анна Петровна подошла, постучала пальцем по парте. От неё пахло корвалолом и пудрой “Балет”. — Решай давай. Время идёт.

Адина кивнула. Уставилась в листок.

Цифры. Буквы. Они шевелились. Складывались в слова.

Тень без человека не живёт. И человек без тени... тоже.

Голос деда. Из сна.

С соседней парты прилетела записка. Скомканная. Адина развернула под партой.

“Дай списать 2 задачу. Пж. С тебя должок. Слава”.

Раньше она бы дала. Молча. Чтобы отстали. Чтобы не трогали. Чтобы прожить ещё один день.

Сейчас она посмотрела на Славу. Он сидел через два ряда, делал вид что решает. И ковырял ногтем парту. На парте было нацарапано “Ким — лох”.

Адина взяла ручку. И написала на том же клочке, под его просьбой:

“Поезд из пункта А выехал в 8:00 со скоростью 60 км/ч. Поезд из пункта Б выехал навстречу в 9:00 со скоростью 80 км/ч. Они не встретятся. Потому что поезд из пункта Б сойдёт с рельсов на 123 километре. Потому что машинист будет пьяный. Потому что ему вчера жена сказала, что уходит к Славке Киму из 7 “Б”.”

Перечитала. Усмехнулась. И отправила записку обратно.

Слава развернул. Прочитал. Поднял на неё глаза. Медленно. В них не было скуки. Был страх. Настоящий, липкий. Он скомкал записку и сунул в рот. Прожевал. Проглотил.

Анна Петровна ничего не заметила. Она проверяла телефоны у задних парт.

Адина опустила глаза в свою контрольную. Пусто. Ни одной решённой задачи. Только её имя на полях, прорвавшее бумагу.

Платить будешь. Каждый день.

Так сказал дед.

Звонок. Противный, дребезжащий.

— Сдаём, — скомандовала Анна Петровна. — Темиртасова, ты чего сидишь? Неси. Адина встала. Ноги были ватные. Положила листок на стол. Пустой. Почти. Анна Петровна взяла, мазнула взглядом.

— Темиртасова... это что?

Палец с красным маникюром ткнул в зачёркнутое имя.

— Я... я не знаю.

— “Не знаю” на контрольной не пишут, — Анна Петровна поджала губы. — Два. В чет-верти три. Я же говорила твоей матери.

Будет три. Мать знала будущее.

Адина пошла к двери. В спину ей летело:

— И дневник на стол!

— Забыла дома.

— Врёшь ведь, Темиртасова.

В коридоре её догнала Машка Сейтова. Отличница. Староста. Дочь завуча.

— Адин, — зашептала, оглядываясь. — А правда, что у тебя дед... ну... того?

Адина кивнула.

— Соболезную, — Машка помялась. — Слушай, а ты... ты правда пишешь? Славка ска-зал, ты ему записку какую-то страшную написала. Про поезд.

Новости в школе разносил ветер. Быстрее интернета.

— Пишу, — сказала Адина. И впервые за три дня это слово не царапнуло горло.

— Дай почитать? — у Машки загорелись глаза. — Пожалуйста. Я никому. Я же... я тоже пишу. Стихи. Только никому не показываю. Боятся засмеют.

Адина посмотрела на неё. На розовый ободок в волосах. На чистый дневник с пятёрками. На страх в глазах. Такой же, как у неё.

Имя — это цепь.

А если цепь разорвать?

— Приходи сегодня, — сказала Адина. — На Дружбы, 17. Квартира 43. После шести. Поминки у нас. Девять дней.

— На... на поминки? — Машка отшатнулась.

— После поминок, — уточнила Адина. — Часов в восемь. Принесёшь свои стихи. Я дам рассказ.

Машка кивнула, испуганно и жадно одновременно. И убежала.

Адина спустилась на первый этаж. У раздевалки толпились младшие классы. Галдели, дрались портфелями.

И вдруг — тишина.

Все замерли. Смотрели в окна.

Адина подошла. Прилипла к стеклу.

На школьном дворе стояла скорая. И милиция. Мигалка крутилась, но сирены не было.

На асфальте, у самой клумбы с чахлыми петуниями, лежал человек. Накрытый. Серой, казённой простынёй. Рядом валялся портфель. Раскрытый. Из него высыпались учебники и тетради.

Ветер трепал листок. Вариант контрольной. Номер 3.

Учителя бегали, отгоняли детей от окон.

— Отошли! Отошли все! Не смотрите!

Физрук дядя Коля кричал в телефон:

— Да, на 123 километре! Грузовой! Машинист пьяный был! Как? Откуда я знаю как! С рельсов сошёл!

Слава Ким стоял в толпе восьмиклассников. Белый как мел. Он не смотрел на асфальт. Он смотрел на Адину. Через стекло. Через весь коридор.

И в его глазах она прочитала своё имя.

Не “Писака”. Не “Темиргасова”.

Адина.

Рюкзак стал невыносимо тяжёлым. Тетрадь на дне жгла спину.

Дорого просишь, девочка-без-рая. Талант — это не деньги. Это боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.